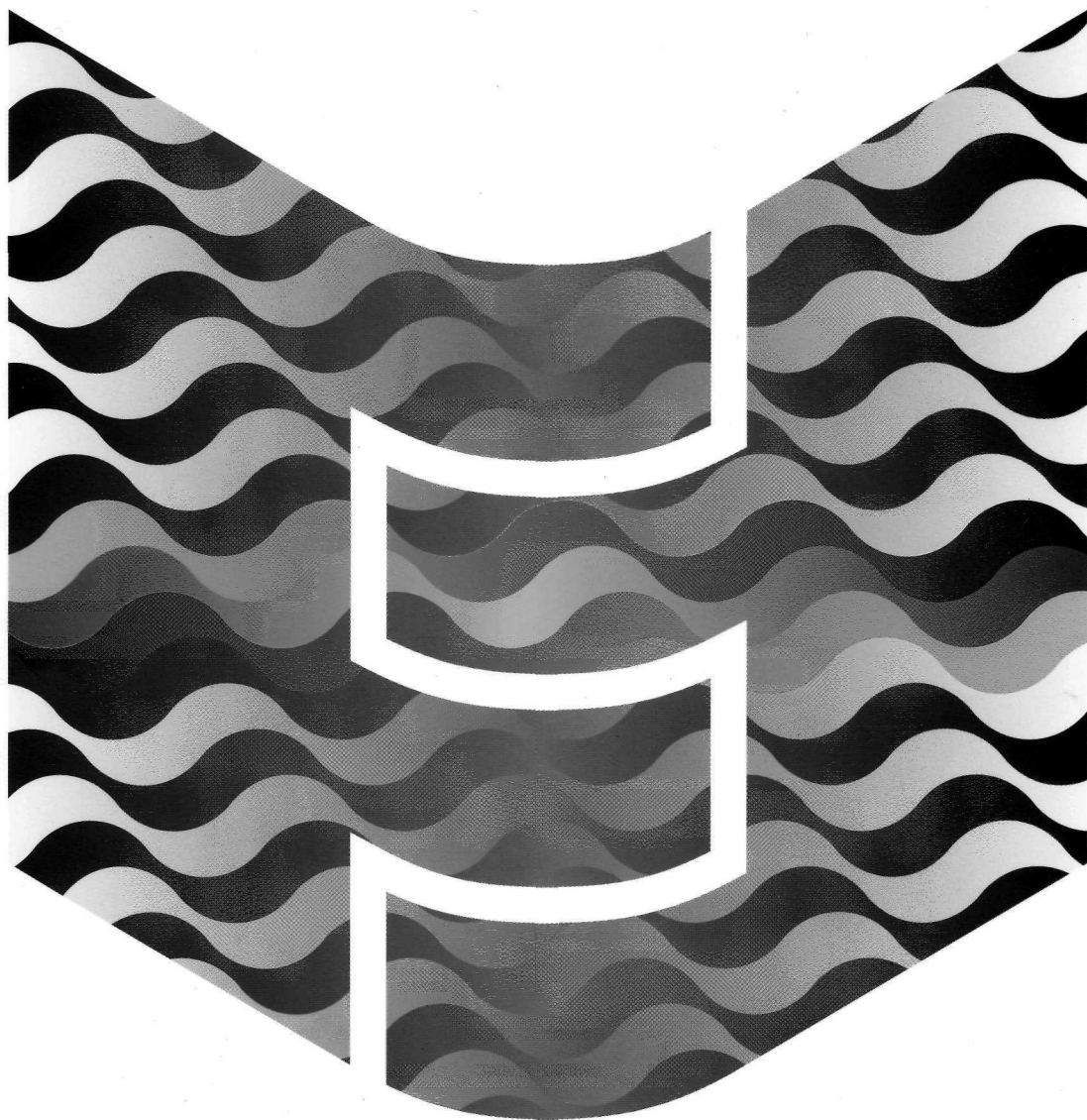

Pars VII

Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum
Jyväskylä 10. – 15.8.1995

Pars VII

Litteratura

Archaeologia & Anthropologia

Redegerunt

Heikki Leskinen, Risto Raittila, Tõnu Seilenthal

Moderatores

Jyväskylä 1996

Kansi: Jorma Luotio

ISBN 952-90-6683-X (koko teos)

ISBN 952-90-7415-8 (tämä osa)

Gummerus Kirjapaino Oy
Jyväskylä 1996

Древнерусская колонизация бассейна реки Камы

Проникновение выходцев с территории Древней Руси на просторы камского бассейна начинается уже в X в., когда, по сведениям восточных авторов, в городах Волжской Болгарии поселяются купцы из "славян и русов". Под "русами" исследователи разумеют либо русских, либо норманнов, либо славяно-финнов с дружинными норманнскими элементами. Последнее предположение более доказательно, ибо имеет веские аргументы в свою пользу в виде особенностей погребального обряда Бальмерских курганов и серии находок на других памятниках (Г. С. Лебедев 1985, 245; Е. П. Казаков 1986; И. Л. Измайлов 1991). Одновременно с этими выходцами из Северной Руси и Верхнего Поволжья в приустьевой части Камы появляются и южнорусские поселенцы из Поднепровья и Подонья (Т. А. Хлебникова 1984, 170; Е. А. Беговатов, Е. П. Казаков 1983; Е. П. Казаков 1986), а также поволжские финны (Е. П. Казаков 1985, 1986, 1991, 1993; К. А. Руденко 1993). В XII–XIII вв. преобладал приток населения из Владимиро-Суздальской Руси, причем количество древнерусской керамики в общем массиве болгарской посуды существенно возрастает: в Болгаре ее насчитывается 1, 2–5, 4%, в Джукетау – до 0, 1% (Т. А. Хлебникова 1984, 198–200, 231–232). В конце домонгольского периода появляется славянская по внешнему виду, но с неславянскими примесями (раковина, шамот, навоз и др.) керамика, названная Т. А. Хлебниковой "славяноидной" (1967, 164–167) и отнесенная ею к XVI группе посуды Волжской Болгарии (1984, 200–201). Есть мнение о поволжско-финских (Н. А. Кокорина 1991, 13–16) и верхнекамских (К. А. Руденко 1992, 46) корнях этой керамики, однако более удачно, на мой взгляд, определение ее как древнерусской (М. Д. Полубояринова 1993, 35), поскольку она всегда обнаруживается вместе со славянской (Т. А. Хлебникова 1984, 201; Л. Д. Макаров 1984, 113). В то же время представляется бесспорным, что данная посуда изготавливалась на смешанных славяно-финских поселениях, о чем автор не раз писал (Л. Д. Макаров 1984, 112–113; 1985, 50; 1989, 67–68). Проживавшие в этих поселках финны находились, судя по всему, на различных стадиях восприятия славянской культуры, т.е. обрусения. Какие именно финны участвовали в процессах смешения со славянами, пока не ясно. Однако преобладание в глиняном тесте сосудов раковинной примеси свидетельствует, как будто, о пермской культурной традиции лепки керамики, что не исключает, разумеется, наличия иных, в т.ч. поволжско-финских (примесь шамота) навыков гончарства. Во всяком случае, косвенное подтверждение присутствия волжских финнов на территории Волжской Болгарии мы находим у казанского летописца, сообщившего о бегстве "черни ростовской" в Волго-Камье от крещения (Казанская история 1954, 48). Вместе с мерей сюда мигрировали и славяне-язычники, что во многом объясняет совместное залегание на поселениях славянских вещей и керамики с финскими предметами.

Пришельцы расселялись на Каме в смешанном этническом пространстве, сохраняя достаточно долго свою традиционную культуру, чему в немалой степени способствовал неиссякаемый приток людей из Древней

Руси. Мигранты осознавали себя, вероятно, находясь в преобладавшем инोकультурном (преимущественно тюркском) окружении, достаточно консолидированным древнерусским образованием (можно сказать – диаспорой), цементирующей основой которого являлся славянский компонент. Именно здесь, на Нижней Каме, и следует, по-видимому, локализовать упомянутых русскими летописями "серебряных болгар". Общепринятый в литературе перевод этого этнонима ("нукрат" с арабского – "серебро"), воспринятый летописцами, нуждается, однако, в пересмотре. Дело в том, что название р. Вятки в переводе на татарский – "Нократ суы", "Нократ иделе", а город Вятка еще в начале XIX века звучал по-татарски и по-черемисски как "Наурод" и "Наугро" (И. П. Фальк 1824, 195–196), кроме того, чепецкие (каринские) татары именуют себя этнонимом "нукрат" (Али-Рахим 1930, вып. 4; Р. Н. Степанов 1973, 17; Р. Г. Фахрутдинов 1990, 133). В грамоте 1540 года, направленной Иваном IV "на Вятку, в Слободской городок верхний" упомянута "Наугородская земля" (Документы 1958, 52). Таким образом, напрашивается вывод о том, что "Нукрат" – это ни что иное, как искаженное "Новгород", а р. Вятка отнюдь не "Серебряная река" или "Серебряная вода" (Д. М. Захаров 1990, 5), но – "новгородская река" или "река новгородцев", что нашло, наконец, подтверждение и у филологов (И. Г. Добродомов 1994).

"Повесть о стране Вятской" называет самими первыми русскими поселенцами на Средней Вятке новгородцев, прибывших сюда в 1181 (1182, 1187) г. после 7-летнего пребывания в городке на Нижней Каме (1905, 28–29). Жители с. Челны также считали себя потомками новгородцев, часть которых ушла позднее на Вятку (А. А. Спицын 1883, 148). Степень достоверности этих сведений, конечно, во многом неясна, однако археологическая специфика нижекамских поселений Волжской Болгарии (заметное присутствие древнерусского компонента) и определяет, на наш взгляд, особое восприятие окружающими их населения, отразившееся, в частности, на таком обозначении как "серебряные" (на самом деле "новгородские" или даже "вятские") болгары. В золотоордынский период в этом районе зафиксировано новое увеличение XIV и XVI групп древнерусской керамики, соответственно – не более 17% в Болгаре и ряде других поселений и до 3% в пригороде Джукетау (Н. А. Кокорина 1991, 13, 16; М. Д. Полубояринова 1993, 82–83) и около 50% на Лаишевском поселении (К. А. Руденко 1992, 46). В конце золотоордынской эпохи появляется XX группа керамики, в которой отразилось смешение традиций тюркской, славянской и славяно-финской групп населения (Н. А. Кокорина 1991, 14, 16). Вполне допустимо предположение, что после разгрома Волжской Болгарии монголо-татарами какая-то часть ее древнерусского населения – носители керамики XIV (славяне) и XVI (славянизирующиеся финны) групп – мигрировала в Марийско-Чувашское Поволжье и на Среднюю Вятку (а возможно и в другие регионы Прикамья, например, на Верхнюю Каму, Сылву, на северо-восток Башкирии), а оставшаяся постепенно растворилась в тюркоязычной среде (группа XX).

Бассейн среднего течения р. Вятки начинает заселяться славянами и ославяненными финнами во второй половине XII–начале XIII в. Местное удмуртское население, оказавшее на первых порах сопротивление, в т.ч. и вооруженное, в конечном итоге примиряется с иноэтничным соседством и вместе со славяно-финнами участвует в сложении на Средней Вятке Никулицынской, Котельничской и Пижемской волостей (Л. Д. Макаров 1991).

Вероятно, в это же время на основе волостной русской старшины и племенной верхушки вятских удмуртов формируется вятское боярство и другие категории привилегированного населения, а затем возникает единое вечевое государство – Вятская земля с центром в г. Вятке (Хлынове). Сложившиеся здесь традиции этнической и религиозной терпимости после включения Вятки в состав Московского государства в 1489 г. были во многом подорваны, а последующий массовый приток русских из Поморья и Поволжья довершил процесс разрушения былого самосознания вятчан (Л. Д. Макаров 1993). Необрусевшая часть удмуртов отстраняется от участия в управлении территорией, начинает подвергаться некоторому притеснению в экономической сфере и, как следствие, покидает среднее течение Вятки, постепенно продвигаясь на слабо заселенные земли по р. Чепце, использовавшиеся ранее в основном как промысловые угодья.

Начало контактов пермского населения бассейна р. Чепцы с древнерусским относится к X–XI вв., о чем свидетельствуют находки вещей последнего на памятниках чепецкой культуры. Характер данных предметов позволяет говорить о преимущественно торговых взаимоотношениях (украшения, бытовые вещи, орудия труда, вооружение, шиферные пряслица, нательные крестики с выемчатой эмалью). Вместе с тем, отдельные находки дают основание говорить о вероятном присутствии на чепецких памятниках славянского компонента. Так, на городище Иднакар обнаружены костяные предметы, имеющие, бесспорно, властный характер: гребень с процарапанным на нем княжеским знаком Рюриковичей и прикладная печать в форме шахматной фигуры и изображением монограммы "м" с дополнительными деталями (М. Г. Иванова 1994, 170), что позволяет ставить вопрос о вероятном русском представительстве в этом чепецком центре – торговом или дипломатическом. На другом гребне выгравирован знак в виде сложного креста, аналогичный керамическим клеймам Смоленска XI в. (М. Г. Иванова 1989, 13) и Орла-городка XVI в. в Вехнем Прикамье. В предмонгольских слоях городища найдена керамика славяно-финского характера: форма и орнаментация представляют славянские традиции, а формовочные массы (раковина, навоз, песок) – финно-пермские (Д. А. Салангин 1995). В течении XII в. на Чепце происходит переориентация торговли на русские земли (М. Г. Иванова 1989, 13–14). Имеется предположение о наличии у городища Иднакар признаков протогорода (М. Г. Иванова 1991, 52–55). В середине XIII в. процессы возможного становления первичных институтов государственности на Чепце были прерваны начавшейся монголо-татарской экспансией.

Верхнее Прикамье, заселенное коми-пермяками, так же как и Чепца, находилось в зоне воздействия Волжской Болгарии и Древней Руси, причем влияние первой было более значимым в домонгольский период. Русские вещи обнаруживаются здесь в X–XII вв., что еще не свидетельствует о проживании на данной территории оседлого славянского населения. Об этом можно говорить лишь с появлением керамики в конце домонгольского – начале ордынского периода. Русских поселенцев там в это время проживало немного, они составляли мизерную часть родановцев. В массовой колонизации Верхнего Прикамья можно быть уверенным лишь с XIV – начала XV в., когда возникают сельские и городские населенные пункты со смешанным русско-пермяцко-зырянским населением (В. А. Оборин 1977, 1990). На Верхней Каме, как и на Вятке, формировалось полиэтническое в своей основе народоправство – Пермь Великая, ядром которой

явилась сравнительно небольшая территория в низовьях Колвы, Вишеры и прилегающего течения Камы. Центрами мелких административных единиц – земель стали русский город Анфаловский, а также города, возникшие на месте родановских городищ – Искор и Чердынь, этническая принадлежность руководства которых нам не известна. Оформление государства в единый сильный организм, подобный Вятке, не было завершено: в 1451 г. великий князь Василий II направил своим наместником в Пермь Великую Михаила Ермолича, происходившего “от роду вереиских князей” (ВВЛ, 261). Пермские “княжата” сохранили при этом свои родовые владения (Г. А. Бординских 1994, 22–27). Судя по всему, они играли при наместнике роль не служилых воевод, а вассалов с известными правами и обязанностями. Об этом говорит, вероятно, факт неучастия войска Перми Великой в объединенном походе против Казанского ханства в 1471 г.: решение об этом принималось, по-видимому, на совете наместника с “княжатами”, причем последние могли принудить князя Михаила к этому шагу. Неспорно в ходе карательного похода Ф. Пестрого на Пермь в 1472 г. родовые владения местной знати, оказавшей вооруженный отпор, подверглись разорению, а столичная Чердынь, где сидел наместник, не предпринявший каких-либо действий, осталась нетронутой. Эти факты говорят об особом статусе нерусской верхушки, позволяющей себе самостоятельные от наместника Москвы действия. В 1505 г. великий князь Василий III окончательно отстраняет великопермских князей, явно претендовавших на автономию, от управления Пермской землей, и устанавливает периодическую сменяемость наместников, первым из которых становится В. А. Ковер. Так была ликвидирована возможность какого-либо существенного участия коми-пермяков в общественно-политической жизни Верхнего Прикамья. Южные пределы региона интенсивно осваиваются со второй половины XVI в. Строгановыми (городки Канкор, Орел, Чусовские, Сылвинский и другие).

Славяно-русские древности других регионов Прикамья изучены слабо. Так, в бассейне р. Сылвы выявлена древнерусская керамика XIII–XVI вв., найденная на поселениях вместе с синхронной ей финно-угорской и тюркской, что свидетельствует о полиэтничном составе их жителей. Аналогичные памятники известны также в Среднем Прикамье (юго-восток Удмуртии) и бассейне р. Белой (северо-восток Башкирии). Верхняя Вятка, по имеющимся пока данным, заселяется русскими с конца XV – начала XVI в. О длительности здесь межэтнических контактов красноречиво говорит факт добровольного крещения 17 удмуртских семейств в 1557 г. С конца XVI в. начинается монастырская колонизация верховьев Вятки и Чепцы.

О широких торговых контактах верхокамских пермян с Русью свидетельствуют находимые здесь древнерусские предметы X–XIV вв. (Н. Г. Первухин 1896; Р. Д. Голдина, В. А. Кананин 1989). Однако русские люди появляются здесь не ранее рубежа XIV–XV вв., если учесть найденную еще А. А. Спицыным около с. Гидаево (к западу от Кайгорода) круговую керамику вместе с финскими привесками и фрагментами лепной посуды (колл. ГИМ). Особенно активно русское заселение края идет с возникновением вымских погостов Кайгорода и Волосницы, впервые упомянутых под 1581 г. (ВВЛ, 267). Одновременно с передачей Верхокамья из состава Вымской земли в 1586 г. Кайгород стал волостным, а затем и уездным центром Перми Великой. В течение XVI–XVIII вв. русские поселенцы осваивают верховья Камы вплоть до ее истоков, где возникает Зюздинский погост, известный с 1586 г. (ВВЛ, 267), а археологически здесь выявлено более 30 памятников.